

НЕСООТВЕТСТВИЕ ПЕРЕВОДА “ОПЫТА О ЧЕЛОВЕКЕ”

А. ПОУПА В. МИКУШЕВИЧЕМ

Дарья Кодьман

Белорусский государственный университет, г. Минск

Far as Creation's ample *range*
extends,

The scale of sensual, mental *powers*
ascends:

Mark how *it mounts*, to man's imperial
race,

From the green myriads in the peopled
grass:

What modes of sight betwixt each
wide extreme,

The mole's dim curtain, and the lynx's
beam:

Of smell, the headlong lioness
between,

And hound sagacious on the tainted
green:

Of hearing, from the life that fills the
flood,

To that which warbles through the
vernal wood:

The spider's touch, how exquisitely
fine!

Feels at each thread, and *lives along*
the line:

In the nice bee, what sense so subtly
true

From poisonous herbs extracts the
healing dew?

How *instinct* varies in the grovelling
swine,

Compared, half-reasoning elephant,
with *thine*!

'Twixt that, and reason, what a *nice*
barrier,

For ever separate, yet for ever near!
Remembrance and *reflection* how
allayed;

What thin partitions sense from
thought divide:

And *middle natures*, how they long to
join,

Yet never passed the insuperable line!

Without this just *gradation*, could they
be

Subjected, these to those, or all to thee?

The powers of all subdued by thee
alone,

Is not thy *reason* all these powers in
one?

Одарены творенья не равно:
Чем выше тварь, тем больше ей
дано.

Как человек могуч и величав
В сравненье с тьмой созданий в
царстве трав;

Глаза крота покрыты пеленой,
Для зоркой рыси свет всегда
дневной;

У львицы и собаки разный нюх,
И с чутким не сравнится тот, кто
глух;

Попробуй-ка безгласных рыб
сравни

С тем, кто щебечет в солнечные
дни!

Ты видишь, как тонка паучья нить;
Подобных фибр нельзя не оценить.

Из ядовитых трав дано пчеле
Извлечь нектар, сладчайший на
земле.

А как инстинкт различен в кабане
И в силаче понятливом — слоне!
Инстинкт и разум! Как тонка стена
Меж ними, но она всегда прочна.
И память с помышленьем заодно,
Но чувство с разумом разлучено.
Как будто бы союз необходим,

Но как соединить одно с другим?
И разве мог бы ты без точных мер
Стать властелином столь различных
сфер?

Не ты ли обладатель многих сил,
Которые лишь разум твой вместил?

Об этом переводе можно сказать, что он во многом так же далек от стилистических принципов Поупа, как и неполно передает смысловую нагрузку произведения. На примере седьмого раздела первой эпистолы, я бы хотела указать на выявленные мною упущения переводчика. Первые строки у Поупа не только говорят о том, как силы расутут и как обширный ряд существ простирается («powers ascends», «Creation's ample range extends»). Все эти действия, их протяженность и развитие сами отлично могут быть прочувствованы читателем благодаря ряду глаголов, идущих почти один за другим по одной схеме и поэтическому складу. Скорее всего, здесь ярко выразилось намерение автора создавать произведение в стихотворной форме, чтобы «поразить читателя» сжатостью «изящных доводов и предписаний». Микушевич же переводит все, в основном используя существительные, которые создают впечатления нагроможденности. Причем смысл фраз немного теряется. Говоря «чем выше тварь, тем больше ей дано», переводчик допускает ошибку. Ведь твари той, что выше, дано не больше. У каждой твари свои способности и возможности, которые определяют лишь ту ступень *цепи*, на которой тварь находится. И цепь не может существовать даже без самого незначительного звена, т.к. связь во вселенной нарушится. К слову, Микушевич не сумел показать эту связь в строках о нити паука («Ты видишь, как тонка паучья нить;/ Подобных фибр нельзя не оценить»). А Поуп восторгается пауком, прикосновение, сплетение нитей которого являются для Поупа ассоциацией с всесвязующей чередой существ, и он пишет, что паук «feels at each thread, and lives *along the line*». Поуп восторженно говорит и о пчеле и других «тварях», которые хорошо умеют делать то, что делают, и выполняют роль, *действие* необходимое по отношению к *другим существам* в цепи. Микушевич утерял настроение автора, и его перевод более похож на набор фактов. В «Фаусте» Гете Фауст говорит «в начале было *дело*». В начале поэмы он решает действовать, чтобы узнать все тайны человеческого существования, как и в конце он убеждается, что единственной целью человеческого развития является труд на благо окружения, труд, плоды

которого необходимы каждому.

Следующие строки, по моему мнению, очень сложно понять в переводе. У внимательного и заинтересованного читателя действительно возникнет желание обратиться к оригиналу.

Поуп будто устанавливает границы чувственного и разумного. Он проводит четкую линию между инстинктом и разумом, что для него человек. Этого не делает переводчик («How instinct varies in the grovelling swine,/ Compared, half-reasoning elephant, with thine!/ Twixt that, and reason, what a nice barrier» и «А как инстинкт различен в кабанах/ И в силаче понятливом – слоне!»)) Говоря «nice barrier», Поуп обозначает значимость, яркость, изящество этого барьера, а тем самым выделяет его необходимость.

Но уже следующие два понятия «remembrance and reflection» принимают для него другой характер. «Память и отражение» у него развешены между границами чувственного и разумного. И хотя память, по сути, может быть о чувствах, все же это признак думающего, рождающего мысль («thought») существа. Причем и память, и мысль имеют большое значение для связи в цепи, т.к. «связь поколений мыслью скреплена». Отражение, в свою очередь, относится к чувственному, т.к. связано с органами чувств. По мифу о пещере Платона, восприятие органами чувств является признаком как бы замурованной в пещере жизни, без склонности к проявлению высшего разума.

Таким образом, с понятием «reflection» тесно связано понятие «sense». И вот Поуп подводит мысль к логическому завершению, что чувство и мысль отделены («sense from thought divide») друг от друга, и всему, что между ними, как бы ни было сложно сплестись, все равно им не минуть непреодолимой цепи. Он привел нас на самый верх, сказав, что без правильной и точной градации (движение вверх) все составляющие цепи не привели бы к разумному человеку. Я также думаю, что эти ключевые понятия можно объяснить схематично подобным образом: **instinct** — sense| — reflection)- (remembrance — |thought — **reason**. Жирным шрифтом выделены границы чувственного и разумного, овальные скобки указывают на слабое деление

принадлежности понятий, а прямые скобки – о ярком делении, как писал Поуп. Эта схема ни в коем случае не последовательность, свидетельствующая о ступенях развития. Это лишь деления, а разум включает в себя все, что между ним и инстинктом, одновременно. «Middle natures» у переводчика это какие-то «различные сферы», которые он познает точными мерами. В голове возникает образ научного измерения того, что Поуп, как мне кажется, называет «сущностями». Это те сущности «тварей», которые расположены между разумом и инстинктом, и в градации они как бы накладываются одна на другую *постепенно* по установленной череде связей в зависимости опять же от предназначения своей сущности. Т.е. автор больше раскрывает духовный план. Из всего сказанного можно сделать вывод, что переводчик не очень точно передал истинное настроение автора и будоражащий смысл его строк, хотя результат безукоризненно выполняет одну из важнейших задач автора – сделать текст легкодоступным для понимания, сжатым для лучшего запоминания.